

Александр СОКОЛОВ

О КАФЕДРЕ ТЕОРИИ МУЗЫКИ. ЕЩЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Работа одной из секций данной конференции посвящена Евгению Владимировичу Назайкинскому, выдающемуся ученому и педагогу, чьи многочисленные научные труды давно стали образцом глубокого постижения самых тонких проблем музыкального искусства, а когорты учеников, к которой и я имею честь принадлежать, при всем разнообразии профессиональных интересов, достаточно узнаваема как *школа Назайкинского*. Евгений Владимирович более четверти века руководил кафедрой теории музыки Московской консерватории, приняв ее под свою опеку в непростые времена еще сохранявшегося диктата «коммунистической идеологии», жестко лимитирующей инициативы исследователей во всех областях гуманитарного знания.

В скором времени выйдет в свет подготовленный членами кафедры теории музыки сборник научных статей и воспоминаний, посвященный **Е. В. Назайкинскому**, а среди материалов нынешней конференции у нас есть возможность представить для обсуждения не публиковавшуюся прежде статью Евгения Владимировича «О кафедре теории музыки». Ее реферативный обзор я считаю частью своей задачи, и выбранное мною название доклада, тем самым, получает понятное обоснование. Полный текст статьи Е. В. Назайкинского объемом 1 п. л. будет в дальнейшем включен в итоговое электронное издание материалов конференции.

Статья, написанная Е. В. Назайкинским в начале 1990-х годов, сегодня воспринимается как документ того времени, она очень интересна и своими обобщениями, и своими прогнозами. Мы можем оценить и то, что впоследствии подтвердилось, и то, что появилось помимо тогдашних ожиданий.

Соколов Александр Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, ректор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, заведующий кафедрой теории музыки Московской консерватории, заслуженный деятель искусств Российской Федерации

При написании статьи для Е. В. Назайкинского точкой отсчета был 100-летний юбилей Московской консерватории, отмеченный в 1966 году. От этого он и отталкивается, переходя далее к сравнениям: «Прошло четверть века. Многие из членов кафедры помнят прошлый праздник <...>». Время бежит быстро, и теперь уже мы готовимся отметить 150-летие Московской консерватории. Вновь уместны и обобщения, и прогнозы.

Обдумывая свой доклад, я еще раз освежил в памяти разные материалы, освещающие «послужной список» нашей кафедры. С особым интересом я перечитал большую главу о кафедре теории музыки в юбилейном сборнике, изданном к 100-летию консерватории [4]. Ведь это тоже документ эпохи, которую лично мне уже довелось застать, переступив студентом-первокурсником порог консерватории. Многое видится сегодня иначе, кое-что и удивляет. Например, скрупулезное описание истории кафедры (в стиле обстоятельного статистического отчета) обходит стороной момент ее официального создания. Само слово «кафедра» впервые упомянуто в довольно неожиданном контексте:

«В предисловии к переводной работе Э. Тоха “Учение о мелодии” М. В. Иванов-Борецкий пишет: “В Московской государственной консерватории уже несколько лет как утверждена кафедра мелодики, занимаемая нашим исследователем строя мелоса И. П. Шишовым” (Э. Тох. Учение о мелодии. М., 1928, стр. 3). Наименование “кафедра” здесь употреблено не только в смысле “курс мелодики”, но и как указание на то, что по проблемам этого курса писались дипломные работы студентов» [4, 585].

Очевидная идеологическая подоплека появления «кафедры мелодики» хорошо передана известным сатирическим опусом Дмитрия Шостаковича «Антиформалистический раек». Обвинения в формализме могла навлечь на себя в те годы любая теоретическая установка. Вне подозрений оставалась только... мелодия, народные истоки которой для композитора и музыковеда являлись панацеей от весьма реальных бед. И далеко не случайно, что одно из первых опубликованных теоретических исследований Л. А. Мазеля носит спасительное название «О мелодии» [3]!

Интересен и другой факт: столь характерное для нашего отечественного музыковедения пересечение теории с историей музыки изначально выглядело не как синтез, а как довольно странный симбиоз. И тоже по определенным идеологическим причинам:

«Конец 20-х — начало 30-х годов принесли с собой некоторые “реформы” и в курсе полифонии. Под воздействием “левых” идей полифония одно время была слита с гармонией, и основной задачей соединенного курса была выработка голосоведения. Метод так называемого “историко-теоретического комплекса” вовсе лишал возможности сколько-нибудь углубленно заниматься полифонией как теоретической дисциплиной и практическими работами по овладению полифонической композицией» [4, 591].

С соответствующими идеологически выверенными «реверансами» писался и текст к юбилейному сборнику 1966 года. Но он при этом содержал и ряд важных и правильных обобщений. Перечислю некоторые из них.

— Отмечены наиболее значительные теории и концепции, разрабатывавшиеся членами кафедры теории музыки в разные годы. Подчеркнута перспективность «перекрестного опыления» теоретического и исторического подходов в музыковедческих исследованиях, что подтверждается трудами С. С. Скребкова и В. В. Протопопова.

Раскрыты достоинства метода целостного анализа, разработанного Л. А. Мазелем и В. А. Цуккерманом. Дальнейшее развитие асафьевской концепции музыкального формообразования прослежено в работах В. П. Бобровского.

— Подробно описаны педагогические школы, сформировавшиеся на кафедре вокруг тех же корифеев старшего поколения: Скребкова, Цуккермана, Протопопова. В этой связи представлены и многие имена их воспитанников, поныне плодотворно работающих в консерватории.

— Среди многочисленных опубликованных трудов кафедры особо выделен жанр *учебника-исследования*, в котором достигнуто органичное слияние теоретического исследования, выполненного в русле индивидуальных научных устремлений автора, и методически выверенной и подтвержденной многолетним опытом педагогики.

— Отдается должное и экспериментальным исследованиям в сфере акустики, психологии восприятия. Новаторские для своего времени исследования Н. А. Гарбузова были подхвачены сотрудниками лаборатории акустики при Московской консерватории, получившими полную поддержку заведующего кафедрой теории музыки С. С. Скребкова. Именно этим путем, кстати говоря, пришел на кафедру теории музыки консерватории выпускник Института имени Гнесиных Е. В. Назайкинский.

Четверть века спустя Евгений Владимирович в своей статье достраивает эту панораму, расставляя и свои акценты. Переплетение теоретической и исторической методологии он отмечает уже не как тенденцию, а как «коренной поворот музыкально-теоретических дисциплин в сторону историзма», свидетельствующий об «историзации теории музыки». Приводя в качестве убедительных доказательств ряд трудов кафедры теории музыки, Е. В. Назайкинский посвящает этому вопросу несколько страниц своей статьи. Прочитав один абзац, в котором сделан важный и по сей день актуальный вывод:

«Главное, однако, заключается не в экстенсивном развитии, не в одном лишь расширении круга исследуемых явлений и захвате новых “земель”, мало освоенных до того теорией музыки, а во внутренних изменениях ее предмета и методологии. Раздвижение границ — лишь следствие этих глубинных преобразований. Суть их — вызревание, становление специфической трактовки принципа историзма, его особой музыкально-теоретической направленности. Примечательно в этом плане название одного из сборников, посвященного В. В. Протопопову его коллегами и учениками, — “Теоретические наблюдения над историей музыки”. Специфика музыкально-теоретического взгляда на принцип историзма ярче всего проявляется в сравнении теории и истории музыки. Если для музыкально-исторических дисциплин история это движение музыки в историческом времени, то для теоретических — напротив, движение истории в музыке, в ее материи (в изменениях системы художественных средств, теоретического осмысления самих категорий музыкального мышления и т. п.) Теоретический подход применяется и к самому историческому процессу, который рассматривается, например, как подвижная смена элементов триады синкретиз — анализ — синтез (в работах Е. В. Назайкинского, в докторской диссертации А. С. Соколова). Но принцип историзма подводит к пониманию даже отдельного произведения как сгустка свернутой в его строении истории музыки, скрытой в виде языковых, жанровых, стилевых, тематических напластований».

Другой важный тезис Евгения Владимировича — пересмотр границ теории музыки. На нем он тоже останавливается довольно обстоятельно:

«Пересмотр границ теории музыки как раз и является другим важным моментом, характеризующим глубинные изменения в деятельности музыковедов-теоретиков. И в последние годы пограничные исследования часто рассматриваются как нетрадиционные. Но лишь с малого исторического расстояния. При оценке же их в контексте всей истории европейского (и отечественного) музыкознания они вовсе не выглядят такими уж новыми. Действительно, первые послевоенные десятилетия не были отмечены ни одной серьезной работой междисциплинарного направления. Исключение составляли лишь работы Н. А. Гарбузова, утвердившие зонную природу музыкального слуха и восприятия. Работы Гарбузова и сотрудников лаборатории музыкальной акустики при Московской консерватории явились предпосылкой для развертывания ряда междисциплинарных исследований и их внутренней эволюции в последующие десятилетия».

Е. В. Назайкинский отмечает особые заслуги на этом пути С. С. Скребкова, Ю. Н. Рагса, В. В. Медушевского. Именно в тот момент на кафедре теории музыки была проявлена и новая инициатива, которую поддержал ректорат. В. Н. Холопова предложила создать новую кафедру, призванную обеспечить междисциплинарную специализацию музыковедов в процессе обучения студентов. В прошлом году эта кафедра отметила содержательной научной конференцией свое двадцатилетие. Границы теории музыки продолжают расширяться.

Отмечая все эти существенные моменты, Е. В. Назайкинский делает вывод о нарастающей весомости современной теории музыки в искусствознании в целом: «Нет ли во всем этом стремления музыкальной науки к лидерству в эстетической области, к соперничеству с литературоведением? Конечно, есть. И эта тенденция вполне естественна, правомерна. Дело в том, что главный предмет теоретического музыкознания — произведение, достигающее в жанрах чистой инструментальной музыки максимальной независимости от словесного текста, от театрального действия и т. п., — выступает по отношению к произведениям других временных искусств как некая абстрактная универсальная модель композиции вообще, как алгебраическая формула, выведенная из множества конкретных художественных решений».

Легко заметить, что ряд заявленных на нашей конференции тем докладов прямо перекликается с этими тезисами, что подтверждает сохраняющуюся актуальность последних. Что же хочется ко всему этому добавить двадцать лет спустя? Как живет сегодня кафедра теории музыки, к чему стремится, что заботливо оберегает?

Сегодня мы особо стараемся сохранить одно из несомненных достижений Е. В. Назайкинского как заведующего нашей кафедрой: выведение профессиональной полемики на истинно концептуальный уровень при безусловном соблюдении ее этических норм. Казалось бы, это — само собой разумеющееся условие коллективной работы, но именно Назайкинскому пришлось в начале семидесятых годов устанавливать на кафедре такой порядок, а это было, утверждаю как очевидец, нелегко. Напомню, что именно в годы заведования кафедрой Е. В. Назайкинским был реализован громадный потенциал Ю. Н. Холопова как ученого и педагога, защищены прежде заблокированные кандидатская и докторская его диссертации, сложилась его собственная школа. Причем, что особо

важно, сложилась в плодотворной дискуссии с коллегами, придерживавшимися других методологических позиций. В области музыкальной формы — того же Е. В. Назайкинского, В. Н. Холоповой, В. В. Медушевского. В области гармонии — А. Н. Мясоедова.

Закрепилась на кафедре традиция альтернативных спецкурсов, тесно связанных с научными исследованиями, осуществляемыми профессорами. Спецкурс анализа музыкальных произведений, читавшийся самим Евгением Владимировичем, существенно обновлялся на каждом студенческом потоке, отражая содержание писавшихся параллельно книг — «О психологии музыкального восприятия», «Логика музыкальной композиции», «Звуковой мир музыки», «Стиль и жанр в музыке» [6; 7; 8; 9].

В целом сохранилась по сей день, видоизменяясь соответственно внешним факторам, и созданная Е. В. Назайкинским секционная структура кафедры. Сегодня это секция полифонии и анализа, секция гармонии и сольфеджио и секция инструментовки (была создана после разделения теоретико-композиторского факультета на автономные историко-теоретический и композиторский). Несколько лет существовала на кафедре секция музыкальной информатики, которая недавно «отпочковалась» и обрела самостоятельный кафедральный статус при научно-учебном центре компьютерных технологий.

В последние годы кафедра теории музыки особенно остро ощутила проблему смены поколений. Ушли из жизни Е. В. Назайкинский, В. В. Протопопов, Ю. Н. Холопов, которым мы посвятили нынешнюю конференцию. Долг перед учителями на кафедре выполняется свято. Именно силами учеников за последние годы отредактированы и впервые опубликованы капитальные труды В. В. Протопопова, Ю. Н. Холопова, В. П. Бобровского. Кафедрой осуществляется плановая работа по систематизации и введению в научный обиход архивных материалов (С. С. Скребкова, В. А. Цуккермана, Ю. Н. Холопова, В. В. Протопопова, В. П. Бобровского). Подготовлены к печати памятные юбилейные сборники, включающие научные статьи, воспоминания, выдержки из личных архивов (Е. В. Назайкинского, И. В. Лаврентьевой).

Юбилейные сборники подобного рода — это и приятная возможность поздравить ныне здравствующих старших коллег. Скоро выйдут из печати сборники в честь А. Н. Мясоедова, В. В. Медушевского. Уже опубликован один юбилейный сборник в честь И. А. Барсовой [10] и подготовлен к печати следующий.

Как образцы плодотворного соработничества учителей и учеников хочется особо отметить капитальные публикации кафедры теории музыки за последние годы. Их появление стало заметным и долгожданным событием для всех коллег-профессионалов.

Курс «Музыкально-теоретические системы», постоянно читавшийся в Московской консерватории Ю. Н. Холоповым, до последнего времени был зафиксирован только в студенческих конспектах и в рабочих записях самого автора. Подготовку этого ценного материала к публикации осуществила группа учеников Юрия Николаевича, взяв за основу его авторский текст и дописав недостающее. Теперь этот объемистый том — надежный фундамент для каждого педагога, ведущего вузовский курс МТС [5].

Другая коллективная опубликованная работа кафедры, также посвященная Ю. Н. Холопову, заполнила лагуну сразу в нескольких спецкурсах: гармонии,

полифонии и музыкальной формы. Она связана с композиторским творчеством второй половины XX века и называется «Теория современной композиции» [11]. Именно так, кстати говоря, был впоследствии назван новый спецкурс, предусмотренный в госстандартах последнего поколения. Ценность этого монументального труда, издание которого было обеспечено грантом Минкультуры, заключается и в том, что многочисленные его авторы представляют разные научные школы кафедры теории музыки.

Как «эстафета поколений» продолжает выходить из печати семитомник «История полифонии» — еще одно зримое свидетельство плодотворности переплетения теоретического и исторического подходов в музыковедении. Издание, задуманное и начатое В. В. Протопоповым, завершается его учениками, профессорами Московской консерватории.

Эта же «эстафета» очевидна и в нынешних спецкурсах кафедры. Протопоповская школа полифонии представлена в альтернативных курсах Н. А. Симановой, Т. Н. Дубравской, И. К. Кузнецова, Н. И. Тарасевича. Холоповская школа в курсе гармонии представлена Г. И. Лыжовым, а в курсе анализа музыкальных произведений — Т. С. Кюрегян. Школа Назайкинского продолжена курсом анализа музыкальных произведений А. С. Соколова. Помимо ведущих профессоров, в каждом спецкурсе задействованы ассистенты, также активно участвующие в чтении лекций, проведении индивидуальных занятий и руководстве курсовыми работами.

От периферии к центру деятельности кафедры сместились за последние двадцать лет те новации, о которых писал в своей статье Е. В. Назайкинский. Первые робкие шаги в сторону медиэвистики вылились в магистральное направление исследований, подтвержденное защитой докторских диссертаций Р. Л. Поспеловой, Н. И. Тарасевичем, Ю. В. Москвой. Переведены на русский язык и снабжены научным комментарием ряд старинных трактатов о музыке [2; 12]. Медиэвистика широко представлена темами дипломных работ и курсовых работ по гармонии и анализу музыкальных произведений.

Значительно продвинулись исследования современной музыки, что отражается и на содержании учебных курсов. Самый яркий тому пример — уже упомянутый коллективный труд «Теория современной композиции». Разработка программы нового одноименного спецкурса — в повестке дня кафедры, первое обсуждение этого вопроса уже состоялось на одном из ее заседаний. Своеобразный «плацдарм» в этом отношении представляет учебный курс «Современная музыка», разработанный несколько лет назад для студентов музыковедов и композиторов Г. В. Григорьевой совместно с М. С. Высоцкой. Подспорьем для дальнейшего движения в этом направлении являются недавние публикации членов кафедры [1; 13; 14].

Безусловный прогресс наблюдается в последние годы в области сольфеджио. Это выражается не только в совершенствовании методик преподавания данной дисциплины, но и в выведении ее проблематики на уровень современных научных исследований. Свидетельством тому являются две защищенные членами кафедры докторские диссертации (Л. Н. Логиновой и М. В. Карасевой). Как практическая демонстрация последних достижений в преподавании сольфеджио на разных факультетах консерватории в рамках нашей конференции предусмотрены мастер-классы М. В. Карасевой и И. В. Воронцовой.

То, что в статье Е. В. Назайкинского выглядело как прогноз, сегодня в ряде случаев уже представляет устойчивую традицию. А что же нам теперь

целесообразно обсуждать в предположительной форме? К сфере прогнозов, по-видимому, относится планомерно развиваемое В. В. Медушевским направление исследований, само название которого еще окончательно не определено. В этом году на заседании кафедры заинтересованно обсуждался новый капитальный труд Вячеслава Вячеславовича «Онтологический анализ музыки» (учебное пособие). Стремление системно осмыслить то, что относится к категории *содержания* музыки, проявилось на кафедре уже давно. С этим, в частности, связан ряд исследований В. Н. Холоповой. Однако В. В. Медушевский избрал для себя особый и неожиданный ракурс рассмотрения проблемы. В характере постановки вопросов и даже в самом строе речи он приближается к нормам теологии, намеренно уклоняясь от пифагорейской парадигмы, более привычной для академического музыковедения. Станут ли эти поиски еще одним новым притягательным вектором для коллег — покажет время.

И в заключение следует остановиться на одной из самых ответственных и актуальных задач, стоящих сегодня перед нашей кафедрой. В связи с проводимой в стране реформой высшей школы мы ощущаем особую тревогу за сохранение богатейшего научно-методического наследия, лежащего в основе консерваторского образования. Поэтому кафедра активно участвует в подготовке проектов нормативной документации разного рода: госстандартов, учебных программ и планов. По заданию Учебно-методического объединения Министерства культуры кафедра теории музыки Московской консерватории еще в начале 2000-х годов подготовила Программы-конспекты по всему циклу музыкально-теоретических дисциплин (как общего характера, так и авторские, сугубо индивидуальные). В дальнейшем кафедра деятельно включилась в подготовку госстандартов нового поколения для специалитета, которые недавно были утверждены Министерством науки и образования.

Теперь, уже в соответствии с этими новыми стандартами, предстоит вернуться к работе над программами, совершенствуя старые и создавая новые.

* * *

Принимая участие в секционной работе нашей конференции, мои коллеги по кафедре теории музыки наверняка продемонстрируют в докладах и мастер-классах свои последние достижения, достраивая тем самым общую панораму сотрудничества, которую я имел возможность лишь контурно наметить в данном выступлении. А через некоторое время все, о чем мне удалось здесь высказаться, тоже будет восприниматься в исторической ретроспективе, побуждая к сопоставлениям, обобщениям и новым прогнозам. Жизнь продолжается.

Использованная литература

1. Григорьева Г. В. Музыкальные формы XX века: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 2004. 176 с.
2. Коклико А. П. Compendium musices (1552) / Публикация, перевод, исследования и комментарии Н. И. Тарасевича. М.: Московская консерватория, 2007. 484 с.
3. Мазель Л. А. О мелодии. М.: Музгиз, 1952. 300 с.
4. Московская консерватория. 1866–1966 / Ред. кол.: Л. С. Гинзбург, А. И. Кандинский, А. А. Николаев, В. В. Протопопов, Н. В. Туманина (Рукавишникова). М.: Музыка, 1966. 726 с.

5. Музыкально-теоретические системы: учебник для историко-теоретических и композиторских факультетов музыкальных вузов / Ю. Холопов, Л. Кириллина, Т. Кюрегян, Г. Лыжов, Р. Поспелова, В. Ценова. М.: Композитор, 2006. 632 с.
6. *Назайкинский Е. В.* О психологии музыкального восприятия. М.: Музыка, 1972. 383 с.
7. *Назайкинский Е. В.* Логика музыкальной композиции. М.: Музыка, 1982. 319 с.
8. *Назайкинский Е. В.* Звуковой мир музыки. М.: Музыка, 1988. 254 с.
9. *Назайкинский Е. В.* Стиль и жанр в музыке: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. 248 с.
10. Оркестр: сборник статей и материалов в честь Инны Алексеевны Барсовой. М.: Московская консерватория, 2002. 427 с.
11. Теория современной композиции: учебное пособие / Отв. ред. В. С. Ценова. М.: Музыка, 2005. 624 с.
12. *Поспелова Р. Л.* Трактаты о музыке Иоанна Тинкториса. М.: Музыка, 2009. 712 с.
13. *Соколов А. С.* Введение в музыкальную композицию: учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 2004. 231 с.
14. *Соколов А. С.* Музыкальная композиция XX века: диалектика творчества: исследование. 2-е изд. М.: Композитор, 2007. 272 с.